

БИОЭТИКА БЛАГОРАЗУМИЯ И АКСИОЛОГИЯ БЕЗРАССУДСТВА

В.И. Стрельченко

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии

*РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург,
v_strelchenko@mail.ru*

Реанимация давно дискредитировавших себя устремлений герметической символической философии, социалдарвинизма, евгеники, социальной гигиены, а сейчас еще и трансгуманизма с целью решить проблемы общественного и индивидуального бытия человека техническими средствами биомедицинских манипуляций является выражением своего рода «одержимости» утопическими проектами сциентистско-технократических идеологий. Однако сопротивление угрозам антропологических катастроф и экологическим кризисам – это не молекулярно-генетическая или биомедицинская проблема. Это проблема преодоления социальных антагонизмов (классовых, этнокультурных и др.), обнаружившихся в виде противоречий и конфликтов, имманентных наличному многообразию видов деятельности современного капитализма в природе и обществе.

Ключевые слова: аксиология, биоэтика, евгеника, социальная гигиена, трансгуманизм, эпистемология, экономический кризис, антропологическая катастрофа, Римский Клуб.

DOI 10.19163/2070-1586-2019-1(23)-6-10

BIOETHICS OF PRUDENCE AND AXIOLOGY OF RECKLESSNESS

V. I. Strelchenko

*doctor of philosophy. Ph. D., Professor, Head of the
Philosophical Department*

RSPU A. I. Herzen, Saint-Petersburg

Reanimation of long-discredited aspirations of hermetic symbolic philosophy, social Darwinism, eugenics, social hygiene, and now also transhumanism in order to solve the problems of social and individual human existence by technical means of biomedical manipulation of scientific expression of a kind of "obsession" with utopian projects of scientific-technocratic ideologies. However, resisting the threats of anthropological catastrophes and environmental crises is not a molecular genetic or biomedical problem. This is the problem of overcoming social antagonisms (class, ethno-cultural, etc.), revealed in the form of contradictions and conflicts, immanent to the present variety of activities of modern capitalism in nature and society.

Keywords: Axiology, bioethics, eugenics, social hygiene, transhumanism, epistemology, economic crisis, anthropological catastrophe, the club of Rome.

Проблемы аксиологии органической жизни едва ли не общепринято формулировать и обсуждать так, как будто заранее известны ответы на вопросы о том, что такое жизнь, что такое этика и, наконец, что такое этика жизни, или биоэтика. Только на первый, и весьма поверхностный, взгляд они представляются как удовлетворяющие требованиям ясности, простоты и непротиворечивости. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что понятия о жизни и нормах морального поведения принадлежат к двум, едва ли не субстанциально противостоящим друг другу мирам наук о природе и наук о культуре. И если абстрагироваться от трудностей эпистемологического, методологического и концептуального характера, возникающих на почве попыток преодоления

имманентных биоэтическому гносису противоречий, то взятые в отдельности, сами по себе понятия о жизни и морали не могут не вызывать сомнений с точки зрения их аутентичности [1, С. 181-186]. Очевидным тому подтверждением являются многие десятки концепций жизни в биологии. В силу высокой сложности ее предметной организации, дисциплинарной разобщенностью, вопросы эпистемологических условий органического синтеза весьма неоднородного естественно-научного материала в составе единой теории жизни достигли едва ли не предельных значений актуализации. Аналогичным положением дел характеризуется и состояние как аксиологических, так и биоэтических знаний, демонстрирующих образцовые примеры «плюрализма мнений» в области природы морали.

Вместе с тем современные биология и этика располагают эвристическим потенциалом решения задач межотраслевого и междисциплинарного синтеза. Речь идет, прежде всего, о познавательных ресурсах эволюционного, строго говоря, эволюционно-экологического подхода, открывающего перспективу совмещения историко-генетических и структурно-функциональных объяснений в поле анализа вопросов этики жизни. Эти преимущества эволюционно-экологического мышления мотивировали развитие ряда плодотворных стратегий современного научного поиска, реализующихся в обширном пространстве исследований: от эволюционной этики и нейроэтики до эволюционной эпистемологии, биосемиотики и биополитики.

Еще не прошедшие зону метафоры понятия о биоэтике, биовласти, биополитике, биокapитализме и др. приобрели статус едва ли не специальных терминов и широко используются в современных научных исследованиях, нередко придавая им вид весьма причудливой «смеси» досужих фантазий, экзотических гипотез и референциально неосмысленных идей.

Интеллектуальный и социально-исторический прогресс, достигнутый органической жизнью в человеке, открыл для него перспективу с одной стороны, - возможности неограниченного культурно-цивилизационного роста, а с другой, - угрозы экологического кризиса и «антропологических катастроф» вследствие обострения социальных конфликтов и глобализации экологических кризисов.

Феномен и понятие жизни охватывают и характеризуют качественно различные классы явлений, достигающие уровней противоположности предметных областей естествознания (физика, химия, биология и др.) и социогуманитарных наук. Несмотря на многообразие форм органической жизни, отражающие их понятия характеризуются очевидной инвариантностью смысловых значений. Многообразие формообразований органической жизни (от одноклеточных до биосферы), и видов деятельности человека в природе и обществе (познавательная и практическая) являются выражением универсальной активности жизни.

Прогресс жизни в антропосоциогенезе увенчался не только возникновением Homo Sapiens, но и его превращением из объекта селективных процессов в один из главных факторов эволюционных изменений.[2, с. 19] Ко второй половине XX-го и у истоков XXI-го столетий они стали причиной региональных природных катастроф и глобальных экологических кризисов, обусловленных

антропогенными изменениями среды обитания, которые нередко затрагивают физический баланс жизни на планете в целом и воздействуют на все аспекты существования человека и развития общества.

Преобразования биосферы человеческой деятельностью отнюдь не односторонний процесс и всегда чреваты теми или иными последствиями для человеческой популяции и культуры. И если лавинообразный рост антропогенного давления на биосферу сопровождается разрушением биоценозов, исчезновением видов, накоплением неблагоприятных наследственных изменений и др., то их антропологические и социальные последствия не менее впечатляющи, так как создают угрозу деградации и распада «генетических оснований культуры».[3, с. 475] Согласно материалам фонда Global Footprint Network человечество уже сейчас за год расходует ресурсы, воспроизводимые за 1,5 года. То есть для обеспечения существующего типа потребления уже к 2030 году понадобится еще одна Земля. И это понятно, если учесть, что в результате «освоения» природы человеком ежегодно уничтожается 36 млн. га леса, каждый день мировой океан поглощает 30 млн. тонн углекислого газа (глобальное потепление), за последние 40 лет обнаружено 39 новых инфекционных заболеваний, а 18 лет XXI века ознаменовались более чем 40 войнами и беспрецедентным ростом преступности и терроризма.

Вследствие реализации селективной активности человека происходит упрощение структуры и ослабление устойчивости биоценозов. Изменяются темпы и направления действия отбора [4, С. 409-419]. В итоге механизмы детерминации эволюционного процесса существенно модифицируются и характеризуются действием не только естественного отбора, но и отбора «социального», строго говоря, «биосоциального», антропологически ориентированного. Порождающие и одновременно интегративные структуры биосоциальной обусловленности культурно-цивилизационного творчества приурочены к процессам производства и воспроизводства жизни общества. Осознанием этого обстоятельства знаменуется настоящая революция в понимании человека как части природы и одновременно, - социального существа.

Исходным пунктом радикального переосмысления, вульгарно-натуралистических, просветительских и идеалистически-метафизических представлений о человеке становится утверждение, что человек – это не просто и не только часть природы, но существо социальное, а потому именно «коллективный человек», ассоциированные производители рационально регулируют... свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль...»[5, с. 387].

Такое понимание взаимоотношений человека и природы сложилось уже в начале второй половины XIX века в контексте критики механицизма и идеалистической метафизики инициаторами «антропологического поворота» в западной философии, – С. Кьеркегором (1813-1883), Л. Фейербахом (1804-1872) и К. Марксом (1818-1883). Несмотря на несовместимость, даже диаметрально противоположность их мировоззренческих установок, общим для них было стремление преодолеть абстрактность спекулятивной метафизики действительности и истолковать ее как процесс и

результат практической, целесообразной активности человека. Взгляды всех трех участников антропологического поворота совпадают в постановке задач сближения философии с жизнью, («истинной действительностью»), а также в понимании человека как предметного существа. Важнейшие понятия Гегелевской философии «существование» и «предметная сущность» приобретают в редакции Кьеркегора, Фейербаха и Маркса смысл специфических форм связи в пространстве предметного мира культуры, - связей, которые преобразуют любой, вовлеченный в их сферу материал, включая природу и человека. Предметный мир «экзистенции» как выражении сущности человека порождается, согласно Кьеркегору, постоянным самоопределением человека всеми помыслами устремленного к Богу. Фейербах исходит из убеждений о предметно-творческой природе человеческой чувственности, а К. Маркс, вслед за Г. Гегелем, основывается на утверждении о решающей роли человеческого труда в формировании предметного мира.

В философии жизни, экзистенциализме, прагматизме, структурализме и герменевтической феноменологии XX - начала XXI столетий объяснение закономерностей организации и культурно-цивилизационной эволюции общества на основе редукции к уникальным, неповторимым жизненным практикам отдельно взятого человека, - является общепринятым.

Под влиянием концептуальных изменений возникающих в науке и философии последних десятилетий в связи с эволюцией понятия «жизнь», органичным включением в его содержание социально-этических, антропологических и естественнонаучных смысловых значений, в конце 60-х – начале 70-х гг. прошлого века, т.е. более столетия спустя после начала «антропологического поворота» в западной философии, - существенной антропологизации подвергается дисциплинарное пространство естествознания. Становление современной неклассической и постнеклассической науки (физика, биология и др.) служит выражением не только признания важной эпистемологической роли ценностей человеческой жизни и культуры, но и придания «антропному принципу» значения формы интеграции знаний о естественно-природных и социально-этических, душевно-духовных и телесных составляющих человеческого бытия.

Эпистемологическая значимость аксиологии человеческой субъективности, ее онтологическая универсальность целиком и полностью определяется имманентной способностью к развитию предметно-практических инициатив. Иначе говоря, практическая универсальность человека проявляется «именно в той универсальности, которая всю природу превращает в его неорганическое тело».[6, с. 92] С этой точки зрения материальный субстрат как органической, так и неорганической жизни общества приобретает вид «общественного тела, или совокупности людей и воспроизведенных ими орудий труда». Общественное тело представляет собой совокупность «органического» и «неорганического» тел [7, с. 565]. Их социальная природа раскрывается тогда, когда они, будучи по-существу естественными, природными образованиями включаются в систему общественных отношений. Значит, биозтика, ее основоположения, регулятивные принципы и нормативные прескрипции могут отвечать

своему понятию лишь в контексте истолкования как выражения единства формообразований «общественного тела» и социальных условий его существования. Сама по себе предметная деятельность, как и процесс вовлечения в нее природы носит социальный характер. Поэтому «...из определенной формы материального производства вытекает, во-первых, определенная структура общества, во-вторых, определенное отношение людей к природе».[8, с. 279] Таков вывод, вытекающий из понимания человека как предметно-практического существа, в своих интересах преобразующего природу и, одновременно, живущего по ее законам. Отсюда вытекает и понимание сущности кризисов во взаимоотношениях человека и природы: экологические кризисы детерминированы «формой общества», доминирующими в нем социальными антагонизмами. Именно антагонистические общества и прежде всего капитализм и рыночная экономика, - главная причина конфликтов между природой и человеком, душевно-духовной и телесной составляющими человеческого бытия [9].

Это положение поддерживается и современными исследованиями нынешнего, так называемого «Нового общества», возникшего на почве достижений микроэлектроники, молекулярной биологии и др. и столь же отличающегося от непосредственно предшествующих ему социальных образований как общество промышленной революции XVII- начала XIX в. отличалось от общества, порожденного неолитической революцией». И, тем не менее, и действующий в нынешнем, существенно модернизированном «Новом обществе» «...рыночный механизм не может справиться с глобальными проблемами».[9, с. 39] А это значит, что аксиология взаимоотношений человека и природы, стратегий их сопряженной эволюции должны основываться не только на суждениях по поводу удручающего состояния окружающей среды (загрязнение, демография, пищевые ресурсы и др.) и абстрактном морализировании на темы безнравственности экологического поведения отдельных человеческих индивидов. Еще более важное значение имеет степень и характер зависимости антропо-экологических условий от формы организации общества (социальной, политической, производственно-экономической и др.), от имманентных ему социально-этических приоритетов. Поэтому призывы к деидеологизации, деполитизации и т.д. исследований в области экологии человека едва ли оправданы.

Выдвинутые группой проф. Д. Медоуза (Римский Клуб) призывы провести необходимые мероприятия по замедлению и консервации научно-технического прогресса, по регулированию численности и поддержанию определенного баланса народонаселения планеты вплоть до настоящего времени остаются подобными «гласу вопиющего в пустыне». Не более как в качестве риторических приемов могут быть оценены и предложения, имеющие характер абстрактных требований безусловного приоритета «прав природы» перед «правами человека», или же напротив, - ускорения темпов научно-технического развития, либерализации экономики и дальнейшей социально-политической демократизации.[10, с. 29-46]

Радикальный антиэкологизм проистекает из некритического следования «техноморфному

мышлению, усвоенному человечеством вследствие достижений в овладении неорганическим миром, который не требует принимать во внимание ни сложные структуры, ни качества систем».[11, с. 153] Идеология научно-технического прогресса предполагает безусловный приоритет культуры над природой, - соподчиненность, которая не признается почти нигде вне пределов ареала индустриальной цивилизации.

Пренебрежительное отношение к экологическим последствиям антропогенных изменений биосферы нашло свое выражение в системе представлений классической политической экономии (А.Смит, Д.Рикардо), развитых на почве сопряженности процессов религиозной (М. Лютер) и научной (XVII-XVIII вв.) революций. И классическая политическая экономия, и марксизм, и современные неоллиберальные экономические доктрины при определении стратегий хозяйственной деятельности исходят из принципов неисчерпаемости и стоимостей нейтральности природных ресурсов. Хозяйственная традиция, исключая возможность учета экологических последствий человеческой деятельности, потребовала отказа и от некоторых естественных, родовых особенностей поведения человека. По мнению Ф. фон Хайека, существование рыночной экономики требует освобождения от таких инстинктивных форм поведения, как солидарность и сострадание. Производственно-экономический рост возможен лишь в том случае, когда антропологические, социальные, политические и другие параметры человеческой деятельности целиком и полностью задаются в терминах стоимости, цены и прибыли [12, с. 47-48] Иначе говоря, игнорирование производственно-экономической значимости природы имеет своим следствием освободить человека от некоторых «инстинктивных», т.е. естественных (природных) форм поведения, - замысел сопоставимый с задачами выведения новой «породы» (вида) человека.

Прогресс «техне», лавинообразный рост удельного веса «симулякров» [2, с. 25-30] в составе «живого и трепетного тела культуры» (А.Ф. Лосев), непосредственное выражение отнюдь не «естественных», а собственно «цивилизационных» интенций эволюции общества. Обнаруживаются и их непосредственные письменные фиксации, скажем, в теоретическом наследии Платона. Произведения искусства, например, он рассматривает как «подражание подражанию», как область «симуляции», производства не имеющих естественного права на существование предметов, которые в силу этого способствуют не улучшению, а ухудшению человеческой природы. Искусство лжет, а поэтому не воспитывает, а развращает человека, попустительствуя иррациональным, а не разумным способностям. Трижды удаленные от истины деятели искусства должны быть изгнаны из идеального государства. В силу еще большей по сравнению с искусством нравственности, т.е. удаленности от истины уничтожающей критике подвергается и риторика. Согласно Платону, как известно, невежественные риторы злонамеренно играют на предрассудках толпы чаще всего отнюдь не в человеколюбивых целях.

Придание искусственному значения естественного в ходе становления новоевропейской науки (XVI-XVII вв), а значит, замена физических объектов их математическими моделями и

преобразование политико-правовых, социальных образовательных и др. практик на нормативно-телеологических началах этики протестантизма и идеологии первых буржуазных революций ознаменовалось с одной стороны оформлением альтернативы культуры и цивилизации, а с другой, - утратой представлений о техниках (эпистемологических, логических, онтологических) их различения и идентификации. Отождествление «естественного» со всеми видами реальности, отвечающими требованиям «научной рациональности» (Просвещение) или же признание «Всего разумного действительным» (В. Гегель) способствовало лишь росту неопределенности границ между своеволием цивилизационного произвола и природосообразными, антропологически аутентичными стратегиями социально-этических устремлений общества. Зоны их неразличимости оказались чреватых антагонизмами естественных и искусственных, социокультурных и цивилизационных компонентов и образовали антропологически агрессивную среду, насыщенную интенциями масштабных духовных и жизненно-практических кризисов. Поскольку же научные знания сами по себе не содержат указания на способы и границы их применимости [15, с. 10], а этически нейтральная «научная техника» «...вселяя в людей уверенность в том, что они в состоянии творить чудеса, не указывая какие чудеса следует творить» [14, с. 10], то более чем 300-летняя история европейских цивилизаций изобилует примерами построения и практической реализации физико-математических, эволюционно-биологических, биомедицинских, экологических и др. «научно-обоснованных» проектов, угрожающих самому существованию человеческого рода.

Итоги практик расовой гигиены в Германии поражают чудовищными масштабами антропологической агрессии, - это от 300 до 400 тысяч стерилизованных в соответствии с законом 1934г., 210 тысяч расстрелянных, отравленных газом и умеренных голодом пациентов психиатрических лечебниц (до 1945г.), уничтожения до конца войны многих миллионов русских, евреев, сотен тысяч цыган и других представителей «низшей расы».

Государственные программы «практической евгенической политики» разработанные на основе антропометрических изысканий Ф. Гальтона, а также новейших достижений в области генетики, экологии и эволюционной теории были приняты и реализовались в 20-30-е годы в таких странах Европы как Дания, Швеция, Норвегия, Латвия, Эстония. Американскому евгеническому обществу удалось провести в ряде штатов законы о принудительной стерилизации лиц, наносящих ущерб генофонду населения страны. Только до 1920г. принудительной стерилизации было подвергнуто 3233 гражданина США [6, с. 19].

Сходные, но уже развёртывающиеся в пространстве технократических иллюзий идеи отстаиваются и сейчас сторонниками, так называемого, трансгуманизма. По их мнению, современный и вполне закономерный этап эволюции человека знаменуется практиками его технико-технологических преобразований в целях роста приспособленности к изменяющимся под влиянием научно-технического прогресса условиям окружающей среды [17, с. 171-187]. Общим для обеих позиций является признание

необходимости формирования нового физического типа человека.

Полифония сценариев экологического будущего человечества, антропо-экологические доктрины евгеники и трансгуманизма могут служить наглядной иллюстрацией эпистемологической ограниченности научной рациональности, ее превращения в систему едва ли не чисто инструментальных средств, подчиненных произволу отнюдь не человеколюбивых замыслов.

Уже сегодня некоторые научные и политические элиты активно разрабатывают идеи, чреватые угрозами целенаправленного вмешательства в жизнедеятельность человека и процесс его эволюции. Существует реальная опасность овладения соответствующими технологиями и их использования одной страной. Они уже существуют и способны обеспечить возможность управления процессами эволюции с целью создания нового подвида *Homo Sapiens* – «служебного человека». Оценивая стартовые условия самой возможности его «выведения», директор Курчатовского института профессор М.В. Ковальчук отмечает, что, судя по наметившимся замыслам: «свойство популяции служебных людей очень простое: ограниченное самосознание, и когнитивно это регулируется элементарно, мы с вами видим, это уже происходит. Вторая вещь – управление размножением, и третья вещь – дешевый корм, это генно-модифицированные продукты. И это тоже уже все готово. Значит, фактически сегодня уже возникла реальная технологическая возможность выведения служебного подвида людей. И этому *помешать уже не может никто*, это развитие науки, это по факту происходит, и мы с вами должны понимать, *какое место в этой цивилизации мы можем занять*» [18].

Судя по масштабам и характеру развития Всемирной трансгуманистической ассоциации, опасения проф. М.В. Ковальчук более чем справедливы. Соединение современных научных и технологических «изобретений» с некоторыми из «воинствующих» идеологий первых десятилетий XXI столетия открывает реальную перспективу распада генетических оснований популяции *Homo Sapiens*, а значит, и тотальной деградации созданной ею культуры. Ведь только антропологические намерения трансгуманистического движения России, - «Россия 2045», подлежащие реализации в рамках проекта «Аватар» предполагают не много, не мало как создание технологий искусственного тела человека. Речь идет о коренных качественных преобразованиях человеческой телесности, не сопоставимых по своим масштабам с эволюционными изменениями в известных к настоящему времени филогенетических линиях животного и растительного царств. Имея в виду улучшение качества и продолжительности жизни «Аватар» включает 4 этапа антропологического конструирования:

1. с 2015 по 2020гг – создание искусственной копии тела человека, - антропоморфного робота, управляемого мыслью с помощью интерфейса «мозг-компьютер».

2. с 2020 по 2025гг. – создание искусственной копии тела человека, в которое пересаживается мозг в конце жизни.

3. с 2030 по 2035гг. – создание компьютерной модели мозга и человеческого сознания с последующей интеграцией в робота («кибернетическое бессмертие»)

4. с 2040 по 2045 гг. – создание тела голограммы.

Не трудно заметить, что и в случае управляемой антропологической эволюции, и технико-технологических ухищрений трансгуманизма значение научной рациональности в мире уподобляется Богу-творцу мировых религий, определившему, по словам одного из участников «Аватара», «главным врагом человеческой расы – законы природы» [18].

Тенденции реанимации давно дискредитировавших себя устремлений герметической философии («гомункулус»), социалдарвинизма, евгеники, «социальной гигиены», а сейчас еще и трансгуманизма разрешить проблемы общественного и индивидуального бытия человека техническими средствами биомедицинских усовершенствований служат выражением своего рода «одержимости» утопическими проектами сциентистско-технократических идеологий. Именно следование им в нынешних условиях подводит к заключению о необходимости «... либо изменить природу человека посредством реконструкции его генома... либо пойти по пути воплощения разума и личности в небиологической самоорганизующейся системе, т.е. по пути... эволюционного трансгуманизма» [19, с.27].

Данный вывод подтверждается и поддерживается материалами последнего доклада Римского клуба, - «Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты» (январь 2018г.). Вопреки ранее принятым установкам деидеологизации и деполитизации с позиций которых с 1968г. по настоящее время была разработана в строгом соответствии с требованиями «научности рассуждения» серия глобальных экологических прогнозов, обобщенных более чем в 40 докладах «Римскому клубу», юбилейный доклад характеризуется радикальной сменой мировоззренческих ориентаций. Авторы подчеркивают, что доклад является «... выражением идей передовой части мировой интеллигентальной и политической элиты». В контексте едва ли не уничтожающей критики капитализма в нем признается наличие непосредственной обусловленности кризисных явлений во взаимоотношениях человека и природы социальными антагонизмами современного классового общества и господствующей в нем идеологией неолиберализма. Со страниц доклада звучат призывы коренной смены парадигмальных установок нынешнего «вырожденного капитализма» (капитализма финансовых спекуляций), к неотложным действиям по созданию альтернативной капитализму экономики, к формированию условий «Нового Просвещения» (целостного, гуманистического, свободного от антропоцентризма), и «Нового образования», построенных на основе духовно-нравственных ценностей, отвечающих гуманистическим и социальным идеалам культурно-цивилизационной традиции. Кроме того, развиваемый в докладе «Новый подход» возлагает ответственность за текущие экологические и антропологические кризисы прежде всего на мировоззренческую систему, сформировавшуюся на основе идей классической политической экономии (А. Смит, Д. Рикардо) и дарвиновской теории эволюции, содержит требования отказа от западного индивидуалистического антропоцентризма и др.

Весьма симптоматичным является и характер постановки главного вопроса доклада: «Философские

основания текущего состояния мира и эпистемологических условий его аутентичной осмысленности». Показательным является и смещение акцентов в распределении внимания между субъектом и объектом экологического мышления. В противоположность предшествующей традиции «методологического индивидуализма» докладу свойственно стремление понять природу последнего в контексте анализа вопросов эпистемологии социальной субъективности.

Оппозиции органической и разумной (социальной) жизни, обнаруживающиеся в виде противоречий и конфликтов между телесной и душевно-духовной составляющими человеческого бытия, человеком и обществом, человеком и культурой, человеком и природой имеют двоякий смысл: движущих сил социального прогресса, и одновременно, - непосредственных причин деградации и распада его биологических оснований. Исторические изменения положения и места человека в жизни биосферы и жизни биосферы в человеке под влиянием факторов культурно-цивилизационного роста определяют формы антропологического поведения. Их адекватность стратегиям выживания и исторической перспективы человека находится в прямой зависимости от эффективности норм биоэтического контроля.

Литература:

1. Балахонский В.В., Бахтин М.В., Стрельченко В.И. Модели и философско-эпистемологические репрезентации истории. М., 2017.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М., 2017. С. 25
3. Выступление М.В. Ковальчука в Совете Федерации 30 сентября 2015 г. – <http://trv-science.ru/2015/10/08/vystuplenie-mikhaila-kovalchuka-v-sf/> (дата обращения 21.09.2018).
4. Гекели Т. Эволюция и этика Прологомены // Вопросы философии. №9, 2016. С. 181-186.
5. Дубровский, Д.И. Природа человека, массовое сознание и глобальное будущее / Д.И. Дубровский // Философские науки. 2013. № 9.
6. Колчинский Э.И. Единство эволюционной теории в разделенном мире XX века. СПб., 2014. С. 409-419.
7. Лоренц К. Кольцо царя Соломона. – М., 2011. С. 153.
8. Люблинский, П.П. Евгенические тенденции и новейшее законодательство о детях // Русский евгенический журнал. 1925. Т. 3. Вып. 1. С. 19.
9. Марков А.А. Эволюция человека. в 2-х кн. Кн.1. М., 2014, Т.19.
10. Маркова Л.А. На подступах к трансгуманизму // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. XLVII. №1. С. 16-17, 171-187
11. Маркс, К. и Энгельс, Ф. Соч., Изд-е 2. Т. 3, С. 92, 387, 565.
12. Медоуз, Д., Рандерс, Й., Медоуз, Д. Пределы роста 30 лет спустя. - Москва, 2013. С. 29-46.
13. Рассел Б. История Западной философии. М., 2017. Т. 2. С. 10.
14. Седова Н.Н., Сергеева Н.В. Биоэтика в пространстве культуры. М., 2010.
15. Стрельченко В.И. История, эпистемология и философия науки. СПб., 2019.
16. Фейнман Р., Лейтон Р. Фейнмановские лекции по физике в 9-ти томах. Т.1. М., 2016. С. 11.
17. Хайек Ф. фон. Индивид и экономический порядок. – М., 2011. сс. 47-48.
18. Dobzhansky Th. Evolution and Man Self-Image // Evolution Antropology. 1975. pp. 220-229.
19. Weizsacker E. Wijkman A. Come on! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. – Springer. 2018.

References

1. Balahonskij V.V., Bahtin M.V., Strel'chenko V.I. Modeli i filosofsko-ehpistemologicheskie reprezentacii istorii. M., 2017.

2. Bodriyay ZH. Simulyakry i simulyaciya. M., 2017. S. 25-30.
3. Vystuplenie M.V. Koval'chuka v Sovete Federacii 30 sentyabrya 2015 g. – <http://trv-science.ru/2015/10/08/vystuplenie-mikhaila-kovalchuka-v-sf/> (data obrashcheniya 21.09.2018).
4. Gekeli T. EHvolyuciya i ehtika Prolegomeny // Voprosy filosofii. №9, 2016. S. 181-186.
5. Dubrovskij, D.I. Priroda cheloveka, massovoe soznanie i global'noe budushchee / D.I. Dubrovskij // Filosofskie nauki. 2013. № 9.
6. Kolchinskij EH.I. Edinstvo ehvolyucionnoj teorii v razdelenom mire HKH veka. SPb., 2014. S. 409-419.
7. Lorenc K. Kol'co carya Solomona. – M., 2011. S. 153.
8. Lyublinskij, P.P. Evgenicheskie tendencii i novejshee zakonodatel'stvo o detyah // Russkij evgenicheskij zhurnal. 1925. T. 3. Vyp. 1. S. 19.
9. Markov A.A. EHvolyuciya cheloveka. v 2-h kn. Kn.1. M., 2014. T.19.
10. Markova L.A. Na podstupah k transgumanizmu // EHpistemologiya i filosofiya nauki. 2016. T.XLVII. №1. S. 16-17.
11. Marks, K. i EHngel's, F. Soch., Izd-e 2. T. 3, S. 92, 387, 565
12. Medouz, D., Randers, J., Medouz, D. Predely rosta 30 let spustya. - Moskva, 2013. S. 29-46.
13. Rassel B. Istoriya Zapadnoj filosofii. M., 2017. T. 2. S. 10.
14. Sedova N.N., Sergeeva N.V. Bioehtika v prostranstve kul'tury. M., 2010.
15. Strel'chenko V.I. Istoriya, ehpiistemologiya i filosofiya nauki. SPb., 2019.
16. Fejnmán R., Lejton R. Fejnmánovskie lekcii po fizike v 9-ti tomah. T.1. M., 2016. S. 11.
17. Hajek F. fon. Indivíd i ehkonomicheskij poryadok. – M., 2011. ss. 47-48.
18. Dobzhansky Th. Evolution and Man Self-Image // Evolution Antropology. 1975. rr. 220-229.
19. Weizsacker E. Wijkman A. Come on! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. – Springer. 2018.

УДК 378.1:614

НАРРАТИВНАЯ БИОЭТИКА В ПОИСКАХ «ИНОГО» МИРА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ДЖ. СТЕЙНБЕКА «ГРОЗДЬ ГНЕВА»).

К.С.Смирнов

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
биоэтики и права с курсом социологии медицины, ГБОУ ВПО
«Волгоградский государственный медицинский университет»,
Волгоград, zzzzz111@mail.ru*

В статье анализируется перспективный ракурс биоэтического дискурса, известный как нарративная биоэтика. Этот анализ осуществляется на примере романа «Гроздь гнева» выдающегося американского писателя Джона Стейнбека. В качестве метода биоэтической рефлексии используется деконструкция в своем этическом аспекте дискурса о справедливости. Текст романа интерпретируется как фармакон, лекарственное средство, лекарство для души отдельного человека и всего социального организма. Результатом анализа является положение о том, что «иной» мир- это вовсе не реальное социо-культурное пространство, существующее где-то на Земле. Люди сами (в романе семья Джоуд) несут в себе этот «иной» мир: мир человечности, добра, справедливости, который исключает индивидуализм и агрессию. Таким образом «иной» мир есть дискурс биоэтики как «науки выживания» перед лицом бесчеловечной капиталистической системы. Данный дискурс может послужить основой для создания глобального биоэтоса как реального пространства справедливости и нового, биоэтического метанарратива, способного выступить реальной альтернативой экономическому дискурсу тотального капитала.

Ключевые слова: нарративная биоэтика, деконструкция, справедливость, тотальный капитал, биоэтос.

DOI 10. 19163/2070-1586-2019-1(23)-11-14

NARRATIVE BIOETHICS IN THE SEARCH OF “OTHER” WORLD (ON EXAMPLE OF THE J. STEINBECK’S NOVEL “THE GRAPES OF WRATH”)

K.S. Smirnov

*PhD, associate professor of Department for Philosophy, Bioethics
and Law with the Course of Medical Sociology, Volgograd State
Medical University, Volgograd, zzzzz111@mail.ru*

The perspective foreshortening of bioethical discourse known as narrative bioethics is analysed in article. This analysis is realized on example of the novel “The Grapes of wrath” of the outstanding American author John Steinbeck. Deconstruction in its ethical aspect of the discourse of justice is used as method of bioethical reflection. The text of the novel is interpreted as pharmacon, medical remedy, medicine for the human individual soul and for all social organism. The result of the analysis is the principle that “other” world is not at all real socially-cultural place existing somewhere on the Earth. People themselves (Joads’ family in the novel) are bringing in themselves this “other” world: world of humanity, good, justice which excludes individualism and aggression. Thus “other” world is the discourse of bioethics as the “science of survival” in the face of inhuman capitalistic system. Given discourse can serve for the basis of the creation of global bioethos as real space of justice and new, bioethical metanarrative which is able to be real alternative to economical discourse of total capital.

Key words: narrative bioethics, deconstruction, justice, total capital, bioethos.

Биоэтический дискурс в настоящее время стремится преодолеть те традиционные прагматические установки, которые в значительной степени инициировали появление самой биоэтики. В этом стремлении, с одной стороны, можно увидеть влияние посмодернизма с его претензией на роль общей теории культуры, но, с другой стороны сама биоэтика обретает черты некой новой философии, универсальной «науки выживания». В этом смысле перспективными и интересными являются такие ракурсы биоэтики, как нарративная биоэтика или даже литературная биоэтика. При этом деконструкция становится одним из методов биоэтической рефлексии. А логическим продолжением может стать интерпретация литературных текстов в категориях биоэтики, выявление их ценностного смысла в контексте аксиологической конфигурации «жизнь – смерть – справедливость – свобода». Тем более, что сама идея деконструкции в процессе своего развития обрела явно этическое измерение, став «дискурсом о справедливости» [2].

Может показаться, что таким образом нарративная биоэтика окончательно порывает с медициной. Однако литература, высокохудожественный текст выступает в роли фармакона, лекарственного средства. Этот pharماسон, это «снадобье», этот настой- в одно и тоже время лекарство и яд- внедряется со всей своей амбивалентностью в тело дискурса.

Существует еще один крайне важный смысл концепта «фармакон». Фармакон есть дар, который одновременно способен стать проклятием, приговором для того, кто обладает этим даром. И человек, как особого рода текст, может оказаться фармаконом. Тогда он становится ядом для определенной социокультурной реальности, которая вступила в стадию упадка, т.е., больна. Но этот яд будет целебным снадобьем. Также этот яд есть дар. Это дар духовный или дар духовности. Великий дискурс, идущий от Вед,